

Лю Чжицян. Цзян Гуанцы как переводчик произведений русской литературы на китайский язык / Лю Чжицян, Сюн Хуэй // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 220—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-220-236.

Liu Zhiqiang, Xiong Hui. (2022). Jiang Guangci as a Translator of Russian Literature into Chinese. *Nauchnyi dialog*, 11(10): 220-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-220-236. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-00-00

Цзян Гуанцы как переводчик произведений русской литературы на китайский язык

Лю Чжицян¹

orcid.org/0000-0001-7121-0062

кандидат филологических наук, доцент,
факультет русского языка
liu.chzh@just.edu.cn

Сюн Хуэй^{2*}

orcid.org/0000-0001-5516-8255

доктор филологических наук,
профессор,

Институт иностранных языков,

* *корреспондирующий автор*

xiongh@sytu.edu.cn

¹Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)

²Сычуаньский университет (Чэнду, Китай)

Jiang Guangci as a Translator of Russian Literature into Chinese

Liu Zhiqiang¹

orcid.org/0000-0001-7121-0062

PhD in Philology, Assistant Professor,
Faculty of the Russian
liu.chzh@just.edu.cn

Xiong Hui^{2*}

orcid.org/0000-0001-5516-8255

Doctor of Philology, Professor,
Institute of Foreign Languages,

* *Corresponding author*

xiongh@sytu.edu.cn

¹Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)

²Sichuan University (Chengdu, China)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается переводческая деятельность основоположника революционной китайской литературы Цзяна Гуанцы. Новизна исследования обусловлена тем, что переводы русской и советской литературы Цзяном Гуанцы почти не изучены в научных кругах. Актуальность исследования обусловлена важностью построения и укрепления китайско-российских культурных связей, в том числе и в области перевода художественной литературы, в чем Цзян Гуанцы в 20-е годы XX века имел успех. Установлено, что переводы Цзяна Гуанцы соответствовали его революционным идеалам, которые он воплощал в своих оригинальных произведениях. Отмечается, что мировоззрение Цзяна Гуанцы обусловило выбор им для перевода российских и советских произведений, воплощающих революционные идеалы. Показано, что его переводы получили широкую поддержку молодежи благодаря не только содержанию, но и простому, понятному языку изложения. Представлено участие Цзяна Гуанцы в литературоведческой дискуссии по поводу стратегии перевода. Благодаря хорошему знанию русского языка он делал переводы с оригинала, а не с японских переводов русских произведений. Авторы приходят к выводу, что переводческая деятельность Цзяна Гуанцы недостаточно исследована и имеет перспективы изучения.

Ключевые слова:

Цзян Гуанцы; переводная литературы; перевод художественного текста; рецепция русской литературы в Китае; русская литература; советская литература; китайская литература; революционная литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The translation activity of the founder of revolutionary Chinese literature, Jiang Guangci, is considered. The novelty of the study is due to the fact that the translations of Russian and Soviet literature by Jiang Guangci are almost not studied in scientific circles. The relevance of the study is due to the importance of building and strengthening Chinese-Russian cultural ties, including in the field of translation of fiction, in which Jiang Guangci was successful in the 20s of the XX century. It has been established that Jiang Guangci's translations corresponded to his revolutionary ideals, which he embodied in his original works. It is noted that Jiang Guangci's worldview determined his choice of Russian and Soviet works embodying revolutionary ideals for translation. It is shown that his translations received wide support from young people due not only to the content, but also to the simple, understandable language of presentation. The participation of Jiang Guangci in the literary discussion about the translation strategy is presented. Due to his good knowledge of the Russian, he made translations from the original, and not from Japanese translations of Russian works. The authors come to the conclusion that the translation activity of Jiang Guangci has not been sufficiently studied and has prospects for study.

Key words:

Jiang Guangci; translated literature; translation of literary text; reception of Russian literature in China; Russian literature; Soviet literature; Chinese literature; revolutionary literature.

Цзян Гуанцы как переводчик произведений русской литературы на китайский язык

© Лю Чжицян, Сюн Хуэй, 2022

1. Введение = Introduction

Цзян Гуанцы (1901—1931) — уникальный писатель, оставивший, несмотря на короткий творческий путь, заметный след в истории китайской литературы XX века. Он добился поразительных успехов в области поэзии и прозы и стал основоположником революционного направления. Так, Лю Ши упоминает о том, что рассказы Цзяна Гуанцы (например, «Страдания Лизы», 1929) наряду с другими произведениями китайских авторов формировали образы белоэмигрантов в литературе «пролетарского крыла» [Лю Ши, 2019; Лю Ши, 2020]. Лю Хайян отмечает создание писателем образов российских вождей [Лю Хайян, 2020]. Российские авторы также в основном отмечают писательские способности Цзяна Гуанцы, особенности стилистики его произведений и создание ярких образов. Е. В. Сенина в своей диссертации дает краткую справку о Цзяне Гуанцы и упоминает его творчество в контексте восприятия и изображения китайскими авторами образа русской женщины [Сенина, 2018]. Н. В. Захарова также подчеркивает талант Цзяна Гуанцы в отражении образа российской женщины [Захарова, 2013].

Кроме того, больших успехов Цзян Гуанцы добился в области перевода, однако его достижения мало изучены. Исследования носят фрагментарный характер, преимущественно описательный, без детального анализа его переводческих методов и произведений. Не изучена его переводческая деятельность и в социокультурном контексте, в частности, в аспекте развития революционной литературы. В настоящее время известна только одна статья, посвященная художественному переводу Цзяна Гуанцы, но она не содержит глубокого обзора этой стороны деятельности [Ху Цзиньфэн, 2018].

Цель данной статьи состоит в углубленном анализе переводческой деятельности Цзяна Гуанцы, ее роли в творчестве писателя и месте в социокультурном контексте XX века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалами для исследования стали переводы русских литературных произведений, выполненные Цзяном Гуанцы.

В настоящем исследовании использовались биографический (культурно-антропоцентрический) метод, раскрывающий особенности взаимодействия с историко-социальной средой, сопоставительный метод, метод контент-анализа.

Анализ теоретических источников, посвященных изучаемой нами теме, показал, что в большей части из них только фрагментарно представлен анализ переводов Цзяна Гуанцы, и тех выявлено крайне немного.

В частности, имеются сведения об исследовании художественных переводов, выполненном учеными Пекинского, Нанкинского, Сямэньского университетов, Аньхойского педагогического университета, Нанкинского педагогического университета, Янчжоуского педагогического университета [ИСКЛ, 1979]. В 1980-х годах исследователь Чжан Дамин писал в своей статье «Цзян Гуанцы»: «Достижения Цзяна Гуанцы многогранны. Помимо новых стихов и романов, он также написал много работ по пропаганде марксизма-ленинизма и изложению литературной теории пролетарской революции. Бегло переводил русскую и советскую литературу с русского языка. Наиболее показательна из них повесть Либединского “Неделя”»¹ [Чжан Дамин, 1981, с. 36]. Известный советский ученый Л. Е. Черкасский, указывая на многогранность творческой личности Цзяна Гуанцы, также отмечал и его переводческую работу: «В свое время он был поэтом и романистом, теоретиком литературы и переводчиком, редактором различных литературных журналов» [Черкасский, 1983, с. 526]. Из современных авторов известна работа Ху Цзиньфэна о ранних переводах Цзяна Гуанцы [Ху Цзиньфэн, 2018].

Анализ литературы выявил, что переводческая деятельность Цзяна Гуанцы как отдельное и значительное направление его многогранного творчества остается нераскрытой. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Переводы произведений советской и русской литературы Цзяном Гуанцы

Благодаря обучению в Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ) Цзян Гуанцы свободно владел русским языком. Он занимался переводами не только советской поэзии и прозы, но и эссе по политической экономике.

Поэтические переводы Цзян Гуанцы в основном относятся к раннему периоду его творчества, между 1922 и 1924 годами. Свой первый сборник поэзии «Новые мечты» он выпустил в 1925 году, в него были включены

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л. Ч., С. Х.

шесть стихотворений русских авторов: С. Надсона, Н. Некрасова, А. Блока и других поэтов. Позже, в 1927 и 1930 годах, вышли еще два сборника стихов «Скорблю о Китае» и «Строки о родине». В последний наряду с китайскими поэтическими произведениями вошли переводы двух стихотворений русских авторов — С. Есенина и В. Александровского. Всего Цзян Гуанцы перевел 9 стихотворений русских поэтов, часть из переводов была заказана редакциями журналов к торжественным датам революционных праздников, например, стихотворение Ивана Каляева «Первомайская песня».

Для того периода, до и после Движения четвертого мая, было характерно отсутствие различий между авторством и переводом при включении произведений в сборник. Причина такого явления состояла, вероятно, в том, что новые поэты указанного времени допускали в своих переводах больше вольной трактовки и приемов авторского стиля, поэтому и рассматривали переводы как часть своего творчества. Цзян Гуанцы также не делал различий: в два сборника из трех он включил переводные произведения, которые стилистически несущественно отличались от его собственных.

Так, он использует простой язык изложения, доступный широкой публике. В своем переводе первого стихотворения («Песни труда», автор требует уточнения) переводчик почти всегда использует разговорный вариант китайских лексем *谁个 / кто*, *脚儿 / ноги* и *别个 / другой*, а также выражение *得不着 / не могу достать*. Кроме того, Цзян Гуанцы преобразовал многие названия хозяйственных работ и трудовых обычаев русского крестьянства в более понятные для китайского читателя номинации, например, китайское *拿着犁儿犁地 / пахать плугом* является названием древнего обычая китайского фермерского общества и значительно отличается от *пахоты* в традиционном русском значении. Стихотворение С. Есенина «Русь советская» Цзян Гуанцы назвал «Новая Люси», вероятно, чтобы избежать претензий цензуры. Здесь же было заменено слово *церковь* на слово *храм*, что более органично для китайского языка. Подобных изменений в переводных произведениях довольно много, что делает их похожими на оригинальные стихи Цзяна Гуанцы.

В число первых переводов прозы входят подготовленные и изданные с 1928 года и в последующий период переводы русских романов Юрия Либединского «Неделя» и «Комиссары», Пантелеймона Романова «Любовь» и «Родной язык» (в китайском варианте «китайский» / «Технология языка»), Ильи Эренбурга «Любовь Жанны Ней», Андрея Соболя «На каторге», Лидии Сейфуллиной «Встреча», Михаила Зощенко «Последний барин», Дмитрия Фурманова «Мятеж».

Цзян Гуанцы, несомненно, был основоположником внедрения переводов русской и советской литературы в китайское культурное пространство.

Первый том «Русской литературы», опубликованный в 1927 году издательским отделом общества «Творчество» в Шанхае, назывался «Октябрьская революция и русская литература». Он был подготовлен Цзяном Гуанцы, который сосредоточился на известных революционных писателях и их произведениях, появившихся до и после Октябрьской революции. Как отмечал Цянь Синчуань, особенность переводов Цзяна Гуанцы заключалась в том, что он не «извлекал из восточного перевода несколько абзацев новой теории литературы, сказав, что мы сторонники литературы новой эпохи, но, как сторонник революционной литературы и теории искусства, он на основе тщательного чтения и анализа произведений и освоения литературных теорий знакомил отечественных читателей с характеристиками советской литературы, переводил фрагменты многих произведений и изложил свои идеи революционной литературы, все то, о чем другие специалисты по переводу могли только мечтать» [Цянь Синчуань, 1928, с. 173].

3.2. Переводы научных работ Цзяном Гуанцы

Третья категория произведений, переведенных Цзяном Гуанцы, включает в себя политические, экономические и литературоведческие статьи. Переводы политических эссе фокусировались в основном на национальной проблематике. В их число входили труды «Принципы ленинизма в национальном вопросе», «Национальный и колониальный вопрос. Речь Ленина на Втором конгрессе Коммунистического интернационала» и «Второй конгресс третьего Интернационала», опубликованные в четвертом номере ежеквартального журнала «Новая молодежь» от 20 декабря 1924 года. Кроме того, в выпуске «Новой молодежи» № 5, напечатанном 25 июля 1926 года, вышла переведенная Цзяном Гуанцы статья по политической экономии «Политическое и экономическое положение в Советском Союзе. Доклад Сталина на четырнадцатом съезде Объединенной коммунистической партии (конец 1925 года)».

Литературные переводы Цзяна Гуанцы заложили основу марксистской литературной теории в Китае и способствовали подъему революционного художественного творчества. Китайские ученые говорили: «Он является основоположником, активно пропагандировавшим марксистский взгляд на литературу и искусство уже в середине 1920-х годов, поэтому мы должны помнить его труды и усилия ... Чтобы быть знающим и проницательным в вопросах литературы и искусства, требуется убежденность и невероятная смелость» [Ху Цунцин, 1980, с. 341]. Под трудами, видимо, подразумевались переводы Цзяном Гуанцы пролетарских литературных теорий. Кроме того, в заслугу ему ставилось глубокое знакомство с советской литературой и революционный дух, свойственный его творчеству, в том числе переводческому. А так называемая «невероятная смелость» отмечалась в связи

с тем, что переводы Цзяном Гуанцы марксистской и советской литературы опередили свое время и подготовили почву для последующего расцвета пролетарской и революционной китайской литературы.

3.3. Переводческая рецепция Цзян Гуанцы русской и советской литературы

Литературный перевод позволяет осуществлять культурный обмен, который часто реализуется с учетом определенного социокультурного контекста, поэтому выбор для перевода произведений основывается на предпочтениях переводчика или определенной социальной группы, которая формулирует запрос на определенную переводную литературу. В этом смысле работа Цзяна Гуанцы имеет явные критерии отбора материала: он переводит произведения как в свете собственных идеалов, так и для удовлетворения литературных и эстетических потребностей широкой читательской аудитории, среди которой он распространяет новые концепции, знакомит ее с новыми стилями повествования, понимая актуальность революционных идей, заложенных в произведениях советской литературы.

Так, переведенное стихотворение (без названия) русского поэта С. Надсона является призывом к «усталым, страдающим братьям» «не унывать» на грешной и несправедливой земле, ибо любовь вернется, и светлая жизнь больше не будет иллюзией: *世界上永没有血泪和仇敌, / 没有无十字架的坟墓和可怜的奴隶, / 没有惨酷的穷乏, 残忍的窘迫, / 更没有杀人的刀剑, 绞人的柱石 / И не будет на свете ни слез, ни вражды, / Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды, / Ни бескrestных могил, ни рабов, / Ни меча, ни позорных столбов* [Надсон, 1985, с. 294—295]. Это стихотворение было призывом к молодежи идти не по «*благополучной дороге*», а по «*узкой дороге*», встать на защиту «*тружеников*», «*рабов*» и «*нищеты*», бороться за счастье «*страдающих*» и превратить их «*кровь в радугу*».

Переведенное на китайский стихотворение Александра Блока «О, я хочу безумно жить!» выражает потребность молодого человека сохранить мужество и настойчивость, чтобы выжить в суровых реалиях жизни, даже если его действия кажутся жестокими, чтобы быть «ребенком света и добра» и «сыграть триумф свободы». Перевод стихотворения Константина Бальмонта «Завет бытия» представляет собой оптимистичный портрет молодых людей с энергичным призывом жить как «*свободный ветер*», «*могучее море*» и «*сияющее солнце*».

Два переведенных стихотворения, включенных в «Сборник ностальгии», в основном соответствуют общему лирическому тону оригинальных стихотворений Цзяна Гуанцы. Особенно точно выражают чувства переводчика стихи Сергея Есенина, в которых говорится об отсутствии желания вернуться в родной город. В переведенном стихотворении «Русь советская»

лирический герой возвращается на родину со странным чувством «одинокого странника», который потерял родной очаг. В произведении Есенина жители деревни и города говорят о жизни «грубой, простой речью» и живут естественной и беззаботной жизнью. При этом героические поступки «красного солдата-калеки» *«заставили даже деревья поднять свои ветви и листья, / а женщины были так поражены, что едва могли сдержать себя»*; «юноши» играли на пианино и пели, их *«живые песни потрясли равнину»* [Цзян Гуанцы, 1985, с. 464]. Поэт чувствует себя недостойным той славы, которую он получил, из-за несовершенства своего творчества, но он чувствует удовлетворение, что помог своей родине: *Прости, родной приют. Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен* [Там же, с. 465].

В своем стихотворении «Я вернусь» Цзян Гуанцы выражает почти те же чувства, что и Есенин. Беззаветная преданность родине является величайшим благословением в его жизни: *我不需要光荣的名誉, / 我也不需要友人的敬礼; / 只要我能尽一点能力, / 那已经足以使我满意 / Мне не нужна почетная слава, / не нужны приветствия друзей, / пока я могу внести свою лепту, / этого достаточно, чтобы удовлетворить меня ...* [Там же, с. 453]. Советский ученый Л. Е. Черкасский считает поэму «Русь советская» Есенина выражением душевного состояния Цзяна Гуанцы в то время: в ней содержится «проникновенный разговор с матерью, возлюбленной и другом. Как и Есенин, Цзян Гуанцы вернулся в родной город, пытаясь разобраться, что в нем происходит, какие перемены произошли в отдаленных деревнях, какие ветры тревожат людей» [Черкасский, 1983, с. 537].

Таким образом, можно предположить, что ключевой причиной, по которой Цзян Гуанцы перевел произведение «Русь советская» С. Есенина, является желание изобразить те изменения, с которыми столкнулся переводчик после возвращения из Москвы на свою далекую родину, и вызванные ими чувства, выразить беспокойство о судьбе родных и своего Отечества. Мы можем увидеть, что Цзян Гуанцы выражает свои чувства как в оригинальных, так и в переведенных стихах, и они становятся неотъемлемой частью его творчества.

Являясь основоположником китайской революционной литературы, Цзян Гуанцы отдает предпочтение произведениям поэтов-романтиков с революционной тематикой. В поэзии Александра Блока он видит идеальное сочетание «революции и романтики». Творчество русского поэта до появления революционного движения находилось в состоянии противоречия между идеалом и действительностью, так как он *«既爱远的, 不可见的幻想, 而同时又知道这种幻想是不坚固的»* / «любил далекие, невидимые иллюзии, зная, что они не прочны», поэтому нужно обратить внимание на реальность жизни, которая неудовлетворительна, и найти правильный вы-

ход, в этом случае и произойдет перелом [РЛ, 1927, с. 19]. Так, когда Блок испытывал творческий кризис, пламя Октябрьской революции вновь осветило его творческий путь. Превращение Блока из писателя-романтика в поэта-революционера вдохновило Цзян Гуанцы, побудило его посвятить себя созданию революционной литературы, когда Китай все еще *«пынел в мягко пахнущем гнезде душистых цветов, луны, доброго брата, милой сестры»* [Цзян Гуанцы, 1988, с. 3].

Есенин также был революционным «романтиком», принявшим Октябрьскую революцию, поскольку бурные социальные изменения отвечали потребностям его сердца. В то же время Есенин как крестьянский поэт «олицетворяет отношения между русским крестьянином и революцией, его работы вдохновляют, так как наполнены чаяниями русской деревни, отражают чувства русского крестьянства» [Там же, с. 64]. Поскольку амбивалентность личности Есенина как революционера и крестьянского поэта имела много общего с особенностями творческой личности Цзян Гуанцы, последний перевел его поэму «Русь Советская» и в целом высоко отзывался о его творческих достижениях.

Выбор романов для перевода также предопределен их революционной тематикой. Так, Илья Эренбург — известный русский писатель — симпатизировал Октябрьской революции и отвергал буржуазный строй. Не будучи коммунистом, он «хотел быть настоящим революционным писателем» [Там же, с. 59—60]. Цзян Гуанцы перевел вторую главу «Зимняя улыбка весны» романа Эренбурга «Любовь Жанны Ней», в котором рассказывается история любви Жанны, дочери французского консула, и Лобова, офицера Красной армии. В условиях, когда революционеры признаются террористами, Лобова безжалостно убивают, и Жанна остается одна в «красной» Москве. Этот перевод является одним из образцов романа в стиле «революция и романтика», и работа Цзяна расценивается как дань уважения революционерам. Кроме того, перевод служил популяризации революционной литературы.

Другие переводы, в том числе поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и стихотворения А. Блока «О, я хочу безумно жить», также были задуманы и осуществлены не в результате случайного выбора, решающую роль сыграл свободолобивый и революционный дух этих двух поэтов и их произведений. Л. Е. Черкасский в связи с этим отмечал: «Свободолюбивые намерения Некрасова были очень дороги Цзяну Гуанцы: “Иди на обиженную землю, на гонимую землю — ты там нужен”. Вот как понимает Цзян Гуанцы благородный долг поэта. Проникнутый идеями Октябрьской революции, мировой прогрессивной культуры, лучшими традициями классической литературы своей страны, он борется за гуманистические

тенденции новой китайской поэзии, за то, чтобы она работала на массы, и именно поэтому стихотворение Блока, его посвящение человеку-творцу, так сильно привлекло внимание китайского поэта и взволновало его» [Черкасский, 1983, с. 534—535].

Цзян Гуанцы придавал большое значение переводу произведений молодых пролетарских революционных писателей. Он отмечает, что «после Октябрьской революции, помимо тех поэтов, которые уже были известны до революции, появилось большое количество молодых пролетарских поэтов, ставших очень заметными: Александровский, Гастев, Обрадович, Казин, Санников ... К этому времени так называемые пролетарские поэты были не только заметны, но и составляли значительную часть литературного мира» [РЛ, 1927, с. 103].

Три «самых многообещающих цветка», как назвал их Цзян Гуанцы, выросли в условиях Октябрьской революции: Н. Тихонов, А. Безыменский и Ю. Либединский. Творчество этих литераторов он подробно описывает в своей статье «Цветы Октября». Так, повесть «Неделя» — произведение Юрия Либединского — представляет первое в литературе глубокое изображение образов коммунистов: «Со времени публикации произведения “Неделя” Либединского именно в революционной литературе мы по-настоящему видим образ коммунистов, они действительно находятся в центре внимания» [РЛ, 1927, с. 95].

Нужно отметить, что в литературных кругах в 1920-х и 1930-х годах мнение о творчестве Цзяна Гуанцы было неоднозначным: его критики говорили, «что он пишет слишком вульгарно или слишком поверхностно; что его стихи — это лозунги; или что он даже не может написать предложение; или что его техника слишком безрассудна, или что его поэзия слишком теоретична» [Цянь Синчуань, 1928, с. 146]. Но неожиданно, несмотря на то, что многие в литературном мире отвергали его творчество, публика его приняла, он стал кумиром для молодежи.

Противоречивое отношение к произведениям Цзяна Гуанцы связано с тем, что читательская аудитория имела различное классовое положение: «Их классовое происхождение было разным, и теории, на которых они основывались, были разными. Были высокодуховные и элегантные люди, которые интересовались литературой и искусством ради литературы и искусства, но Гуанцы изо всех сил старался быть литературным оратором для народа. Поэтому действия и язык простых людей в целом, особенно низших классов, казались им вульгарными и неприятными, не древними, не глубокими, слишком безрассудными, настолько мелкими, что и выражения были безграмотны ... Это факт, известный каждому. Таким образом, как можно просить их не ругать Гуанцы, не высмеивать его и как они могут

признать его писателем?» [Там же, с. 148]. В то же время переводы Цзян Гуанцы оказались близкими чувствам народа и вызвали энтузиазм у молодежи. Как переводчик, он намеренно выбирал те произведения, которые отличались простотой изложения. Так, романы писательницы Л. Сейфуллиной Цзян Гуанцы выбрал для перевода, поскольку ее «стиль прост и прекрасен, без женских недостатков. Ее роман для среднего класса “Перегной” сделал ее знаменитой. Хотя в этой книге рассказывается история обычного пастуха, мы находим ее бесконечно выразительной, когда читаем» [Цзян Гуанцы, 1929, с. 1—7].

3.4. Дискуссия о качестве переводов русской литературы

С точки зрения качества переводы Цзяна Гуанцы могут считаться несовершенными, что признавал и он сам, однако с точки зрения социокультурного влияния его переводческие работы представляют значительную ценность, поскольку они познакомили китайского читателя с революционными произведениями советской литературы, что было новаторством для того времени.

Лу Сюнь, один из основоположников современной китайской литературы XX века, полагал, что Цзян Гуанцы и другие специалисты, знающие русский язык, должны переводить больше произведений русской литературы. В январе 1930 года Лу Сюнь высказал свои взгляды на качество литературных переводов в статьях «Трудный перевод» и «Классовая природа литературы», утверждая, что нужно переводить произведения непосредственно с русского языка, чтобы уменьшить количество ошибок и пропусков, возникающих при транскрипции или вторичном переводе [Лу ТП, 1981]. Чтобы избежать вреда для литературы и искусства, который мог быть вызван переводом русских произведений с языков третьих стран, Лу Сюнь призвал Цзяна Гуанцы, знавшего русский язык, и других специалистов взять на себя ответственность за перевод: «Господин Цзян, изучавший русский язык, был бы наиболее подходящим, но, к сожалению, после его выздоровления от болезни был выпущен только один экземпляр “Недели”, в то время как японские переводы обеих книг уже были доступны» [Там же, с. 211].

В целом Лу Сюнь критически относится к переводам Цзяна Гуанцы, на что указывают следующие признаки: во-первых, он не хочет упоминать полное имя Цзяна Гуанцы; во-вторых, он выражает недовольство критикой Цзяна Гуанцы японских переводов русских произведений Чжоу Цзуорена, который был уважаемым литературным переводчиком русских произведений; в-третьих, Лу Сюнь считает, что революционные писатели, такие как Цзян Гуанцы, хорошо владеющие русским языком, должны сосредоточиться на переводе, а не на разногласиях с коллегами, и должны взять на себя тяжелую ответственность за развитие национальной литературы и искусства.

Лу Сюнь однажды прямо высказался о низком качестве литературных переводов Цзяна Гуанцы. 10 декабря 1934 года Лу Сюнь написал письмо Сяо Цзюню и Сяо Хуну, в котором резко отрицательно отозвался о переводах Цзян Гуанцы, а когда Китайское издательство планировало издать серию «Шедевры мировой литературы» и составило список переводчиков, среди которых был Цзян Гуанцы, Лу Сюнь сказал: «Теперь, когда Цзян умер, я бы доверил ему перевод. Но если бы он был жив, то не стал бы предлагать ему переводить, потому что когда-то ему доверяли» [Лу Сюнь, 1981, с. 592].

Тот факт, что Лу Сюнь был столь негативного мнения о переводах Цзян Гуанцы, объясняется сложившимися между ними отношениями. В частности, в 1927 году Цзян Гуанцы и «Общество созидания» самовольно прекратили сотрудничество с Лу Сюнем. Кроме того, Лу Сюнь и Цзян Гуанцы были активными участниками общественной дискуссии о стратегиях перевода, выступая оппонентами.

В качестве пояснения заметим, что в октябре 1927 года Го Можо, лидер «Общества созидания», хотел объединить усилия с Лу Сюнем, чтобы изменить направление литературного движения, поэтому Чжэн Боци и Цзян Гуанцы дважды посетили Лу Сюня, чтобы обсудить сотрудничество. Однако Чэн Юаньву посчитал, что восстановление еженедельника «Общества созидания» недостаточно для удовлетворения литературных потребностей того времени, и попросил «Общество созидания» учредить собственный литературный журнал, в большей степени ориентированный на «боевые действия». Но отмена совместных усилий по возрождению еженедельника без уведомления Лу Сюня была неправомерным действием. Позже Цзян Гуанцы, Цянь Синчуань и другие коммунисты основали «Общество Сун» и начали выпускать ежемесячник «Сун». В свою очередь, Го Можо и Чэн Сюаньву основали «Культурную критику». Первый поднял знамя революционной литературы, второй предложил направление пролетарской литературы, и они вели ожесточенные дебаты. Кроме того, имела место критика Лу Сюня как неревolutionционной литературной силы. Го Можо призвал к «теоретической борьбе» между своими коллегами по «Обществу созидания» и Лу Сюнем и другими писателями, чьи идеи находились в противоречии друг с другом [Го Можо, 1992].

Возможно, эти обстоятельства не имеют никакого отношения к оценке Лу Сюнем способностей Цзян Гуанцы как переводчика. Однако независимо от того, объективна ли оценка Лу Сюнем переводов Цзян Гуанцы или нет, это не умаляет того факта, что сегодня мы можем вновь обратиться к переводам Цзяна Гуанцы и увидеть в них корреляцию с его революционными литературными творениями и революционными идеями.

В ответ на критику Лу Сюня Цзян Гуанцы дал опровержение: «В “Путешествии в Токио” я сказал, что в Китае было много ненадежных переводов, но ... Это не доказывает, что я против перевода. Не только я понимаю это, но и вряд ли ученик средней школы скажет: “Я этого не понимаю”. Не шутка ли для господина Лу Сюня произвольно заключить, что я против вторичного перевода?» [Цзян Гуанцы, 1930, с. 28—33]. Цзян Гуанцы считает, что причина низкого качества произведений в китайском переводе кроется не в том, что делается вторичный перевод, а в том, что переводчики плохо понимают оригинальные произведения и используют слабые переводческие стратегии. Конечно, то, что Лу Сюнь и Цзян Гуанцы называют «вторичным переводом», на самом деле является переложением китайцами русской литературы с японского языка. Что касается того, кто прав, Лу Сюнь или Цзян Гуанцы, то можно утверждать, что оба они по своему правы, но каждый придерживался своих позиций, и разногласия были неизбежны.

Каково было качество литературных переводов Цзяна Гуанцы? Вскоре после прибытия в Шанхай весной 1920 года он вступил в Шанхайскую социалистическую молодежную организацию и присоединился к «Обществу иностранных языков», которое было основано Шанхайской группой Коммунистической партии Китая для изучения русского языка. В течение года он изучал русский язык, прежде чем уехать в Россию в конце весны — начале лета 1921 года. Во время учебы Цзян Гуанцы был лучшим студентом по русскому языку, как вспоминает Чжэн Чаолин, который учился в России: «Цзян поступил раньше нас, и он боялся, что в то время у него было не так много занятий. Вероятно, он хорошо учился. Мы полагались на переводчиков на наших занятиях, и он несколько раз присутствовал на наших занятиях в качестве переводчика, в то время как сам слушал непосредственно лекции» [Чжэн Чао-Линь, 1982, с. 27]. Чжэн Чаолин также упоминает, что Цзян Гуанцы начал сочинять свои стихи на русском языке во время учебы в Москве, что еще раз доказывает достаточно высокий уровень знания им русского языка. После возвращения в Китай Цзян Гуанцы в мае 1925 года отправился в Чжанцзякоу, чтобы работать переводчиком для русского советника Фэн Юйсяна, а позже читал лекции на русском языке в Шанхайском университете права и политических наук. Даже Лу Сюнь, который критиковал переводы Цзяна Гуанцы, положительно оценивал его знание русского языка и считал, что ему следовало бы приложить больше усилий для перевода русской литературы, а не тратить их на бесполезные споры.

Цзян Гуанцы не только обладал лингвистическими способностями для перевода, но и подходил к этому с большой тщательностью. Когда Го

Можо, отдавший свой перевод Цзяну Гуанцы на корректуру, посетил Цзяна Гуанцы, он увидел, что у последнего «на столе лежат вместе оригинал русской книги и мой перевод» [Го Можо, 1992, с. 267—268], и он вычитывает перевод Го Можо, сравнивает его с оригиналом, указывая даже на незначительные ошибки. Вероятно, Цзян Гуанцы столь же скрупулезно выверял и собственные переводы. Некоторые ученые отмечали, что перевод Цзяна Гуанцы является «беглым переводом русской и советской литературы непосредственно с русского языка» [Чжан Дамин, 1981, с. 36]. Таким образом, можно считать доказанным, что он выполнял переводы произведений русской и советской литературы непосредственно с русского оригинала, а не через посредство японского или английского перевода, что способствовало сохранению авторской стилистики, художественной оригинальности, точности передачи содержания произведения. Кроме того, язык переводов Цзяна Гуанцы доступен для китайского читателя.

4. Заключение = Conclusions

Цзян Гуанцы, несомненно, был не только заметным писателем и литературоведом, деятельность которого была новаторской для своего времени, но и достаточно высокого уровня переводчиком. При этом большинство современных специалистов, исследующих творчество Цзяна Гуанцы, обращаются в первую очередь к литературным достижениям автора, редко рассматривая его способности переводчика, в отличие от современников Цзяна Гуанцы, которые более глубоко анализировали его значительные для короткого творческого пути достижения и обращали внимание на его достоинства переводчика, подтверждая это примерами их разборов в своих критических публикациях и воспоминаниях.

В литературных переводах Цзяна Гуанцы невозможно отрицать стремление к выбору произведений, содержащих революционные идеи, которые органично внедрялись в сознание молодежи. Кроме того, стилистика переводов, ориентированных на широкий круг читателей, не имевших установок на изысканность стиля, позволяла широко распространять переводы произведений русских и советских писателей. Искренний интерес к русской литературе, хорошее знание русского языка позволяли делать переводы непосредственно с оригиналов, тогда как наиболее распространенной стратегией других специалистов было переложение с японских переводов русских произведений, что обуславливало дискуссионность вопроса.

Характеристика творчества Цзяна Гуанцы как переводчика, предпринятая в нашей статье, имеет перспективы исследования, поскольку изучение этой стороны его деятельности представлено в китайском литературоведении фрагментарно.

Источники и принятые сокращения

1. ИСКЛ — *История современной китайской литературы* / под ред. Сюйчжоу ; Педагогический колледж, Университет Яньбянь, Университета Аньхой. — Цзянсу : Народное издательство Цзянсу, 1979. — 556 с. (中国现代文学史 / 作者徐州师范大. 延边大. 安徽大学等编写. 江苏人民出版社, 1979. — 556页。)
2. *Лу Сюнь*. К Сяо Цзюню и Сяо Хуну / Лу Сюнь // Полное собрание сочинений Лу Сюня. — Пекин : Издательство народной литературы, 1981. — Т. 12. — 592 с. (鲁迅。致小军和小红 / 鲁迅 // 卢欣全集。— 北京 : 民间文学出版社, 1981年, 卷。12. — 592页)
3. Лу ТП — *Лу Сюнь*. Трудные переводы. Классовая природа литературы / Лу Сюнь // Полное собрание сочинений Лу Сюня. — Пекин : Издательство народной литературы, 1981. — Т. 4. — 650 с. (鲁迅。硬译”与“文学的阶级性 / 鲁迅全集 // 第4卷。— 北京 : 人民文学出版社, 1981年. — 650页。)
4. *Надсон* / пер. Цзян Гуанцы // Собрание сочинений Цзяна Гуанцы. — Шанхай : Шанхайское издательство литературы и искусства, 1985. — Т. 3. — С. 294—295. (那. 特孙. 蒋光慈译 // 蒋光慈文集, 第3卷. — 上海 : 上海文艺出版社, 1985年. — 第294—295页)
5. РЛ — *Русская литература* / под ред. Цзян Гуанцы. — Шанхай : Издательский отдел Общества Творчества, 1927. — 255 с. (蒋光慈编 / 俄罗斯文学. — 上海 : 创造社出版部, 1927年, 第19页, 共. — 255页)
6. Ху Цзиньфэн. О раннем переводе Цзян Гуанцы советского рассказа «Дуся» / Ху Цзиньфэн // Литература и искусство : [газета]. — 2018. — 17 сентября. (胡金凤. 蒋光慈的早年译著苏联短篇小说<都霞> / 文艺报, 2018年9月, 17日)
7. *Цзян Гуанцы*. Молодой странник / Цзян Гуанцы. — Пекин : Издательство народной литературы, 1998. — 67 с. (蒋光慈. 少年漂泊者. — 北京 : 人民文学出版社, 1998年, 第4页, 共. — 67页)
8. *Цзян Гуанцы*. Письмо переводчику / Цзян Гуанцы // Ежедневник морского бриза. — 1929. — 20 января. — Выпуск 4. — С. 1—7. (蒋光慈. 信·译者附志 // 海风周报 (第四期), 1929年1月20日, 第1—7页。)
9. *Цзян Гуанцы*. Тупик. Примечание в конце главы / Гуанцы Цзян // Пионер. — 1930. — 10 марта. — № 3. — С. 28—33. (蒋光慈. 此路不通·篇末附记 // 拓荒者 (第三期), 1930年3月10日, 第28—33页。)
10. *Чжан Дамин*. Возвращение из похода / Чжан Дамин. — Тяньцзинь : Тяньцзиньское народное издательство, 1981. — 323 с. (张大明. 踏青归来. — 天津 : 天津人民出版社, 1981年. — 共323页)

Литература

1. *Го Можо*. Десятилетие творчества продолжается / Го Можо // Полное собрание сочинений Го Можо. Литература. — Пекин : Издательство народной литературы, 1992. — Т. XII. — С. 267—268. (郭沫若. 创造十年续 // 郭沫若全集 (文学编 第十二卷). — 北京 : 人民文学出版社, 1992年. — 第267—268页)
2. *Захарова Н. В.* Образ красавицы в современной литературе Китая / Н. В. Захарова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 22 (682). — С. 76—85.
3. *Лю Хайян*. Образы восприятия советских вождей в китайской литературе первой половины XX в. / Лю Хайян // Молодежь XXI века : шаг в будущее : материалы XXI региональной научно-практической конференции. — Благовещенск : [б. и.], 2020. — С. 128—129.

4. Лю Ши. Образ восприятия русского эмигранта в китайской литературе 20—40-х гг. XX века // Молодежь XXI века : шаг в будущее : материалы XX региональной научно-практической конференции. — Благовещенск : [б. и.], 2019. — С. 152—153.

5. Лю Ши. Понятие «эмигрант» в китайском этническом сознании : этимология, история, политика / Лю Ши // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая / под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. — Благовещенск : [б. и.], 2020. — С. 230—236.

6. Сенина Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. — Москва, 2018. — 247 с.

7. Ху Цунцзин. Пурпурная ласточка весны, заря рассвета : обзор пропаганды революционной литературы Цзян Гуанцзы / Ху Цунцзин // Литературно-художественные очерки Чжун Шань. — Нанкин : Народное издательство Цзянсу, 1980. — С. 341. (胡从经. 报春紫燕 破晓曙星 — 蒋光慈倡导革命文学功绩述评 // 钟山文艺论集. — 南京 : 江苏人民出版社, 1980年. — 第341页)

8. Цянь Синчуань. Цзян Гуанцзы и революционная литература / Цянь Синчуань // Современные китайские литературные писатели / под ред. Цянь Кэчуня. — Шанхай : Тайтунское книжное бюро, 1928. — Т. 1. — С. 172—173. (钱杏邨. 蒋光慈与革命文学 // 现代中国文学作家 (第一卷). — 钱可村编. 上海 : 泰东图书局, 1928年. — 第172—173页)

9. Черкасский Л. Е. Китайские поэты о культурном наследии. — Исследовательские материалы Цзян Гуанцзы / Л. Е. Черкасский ; под ред. Фан Мина. — Иньчуань : Народное издательство Нинся, 1983. — 553 с. (苏联列·叶·契尔卡斯基. 中国诗人谈文化遗产 // 蒋光慈研究资料. — 方铭编. 银川 : 宁夏人民出版社, 1983年. — 553页)

10. Чжэн Чао-Линь. Немного воспоминаний о Цзян Гуанцзы / Чжэн Чао-линь // Бюллетень литературных и учебных материалов. — 1982. — № 2. — С. 27—42. (郑超麟 关于蒋光慈的点滴回忆 // 文教资料简报, 1982, 年第2期, 第27—42页)

Material resources

- History of Modern Chinese Literature*. (1979). Jiangsu: Jiangsu People's Publishing House. 310 p. (In Chin.).
- Hu Jinfeng. (2018). About the early translation of Jiang Guangzi's Soviet short story "Dusya". *Literature and Art: [newspaper]*. September 17. (In Chin.).
- Jiang Guangqi. (1929). Letter to the translator. *Sea Breeze Weekly* 4. January 20. 1—7. (In Chin.).
- Jiang Guangqi. (1930). Dead end. Note at the end of the chapter. *Pioneer*, 3. March 10. 28—33. (In Chine.).
- Jiang Guangqi. (1998). *Young Wanderer*. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 67 p. (In Chin.).
- Lu TP — Lu Xun. (1981). Difficult translations. The class nature of literature. In: *The Complete Works of Lu Xun*, 4. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 211 p. (In Chin.).
- Lu Xun. (1981). To Xiao Jun and Xiao Hong. In: *The Complete Works of Lu Xun*, 12. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 592 p. (In Chin.).
- Nadson (1985). In: *Collected Works of Jiang Guangqi*, 3. Shanghai: Shanghai Publishing House of Literature and Art. 294—295. (In Chin.).

- RL — Jiang Guangzi. (ed.). (1927). *Russian Literature*. Shanghai: Publishing Department of the Society of Creativity. 255 p. (In Chin.).
- Zhang Daming. (1981). *Return from a hike*. Tianjin: Tianjin People's Publishing House. 323 p. (In Chin.).

References

- Cherkassky, L. E. (1983). *Chinese poets about cultural heritage. Research materials of Jiang Guangqi*. Yinchuan: Ningxia People's Publishing House. 553 p. (In Chin.).
- Go Mojo. (1992). The decade of creativity continues. In: *The complete works of Go Mojo. Literature, XII*. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 267—268. (In Chin.).
- Hu Cunjing. (1980). The Purple swallow of spring, the dawn of dawn: a review of the propaganda of the revolutionary literature of Jiang Guangzi. In: *Literary and artistic essays of Zhong Shan*. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House. P. 341. (In Chin.).
- Liu Haiyang. (2020). Images of perception of Soviet leaders in Chinese literature of the first half of the XX century. In: *Youth of the XXI century: step into the future: materials of the XXI regional scientific and practical conference*. Blagoveshchensk: [b. i.]. 128—129. (In Russ.).
- Liu Shi. (2019). The image of the perception of the Russian emigrant in Chinese literature of the 20—40s of the XX century. In: *Youth of the XXI century: a step into the future: materials of the XX regional scientific and practical conference*. Blagoveshchensk: [b. i.]. 152—153. (In Russ.).
- Liu Shi. (2020). The concept of “emigrant” in Chinese ethnic consciousness: etymology, history, politics. In: *Russia and China on the Far Eastern frontiers. Peoples and cultures of Northeast China*. Blagoveshchensk: [b. i.]. 230—236. (In Russ.).
- Qian Xingchuan. (1928). Jiang Guangzi and Revolutionary Literature. In: *Modern Chinese Literary Writers, I*. Shanghai: Taitung Book Bureau. 172—173. (In Chin.).
- Senina, E. V. (2018). *Images of mutual perception of Russians and Chinese in Russian and Chinese literature and journalism of the first half of the twentieth century*. PhD Diss. Moscow. 247 p. (In Russ.).
- Zakharova, N. V. (2013). The image of beauty in modern literature of China. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 22 (682): 76—85. (In Russ.).
- Zheng Chao-Lin. (1982). A few memories of Jiang Guangqi. *Bulletin of literary and educational materials*, 2: 27—42. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию 18.11.2022,
одобрена после рецензирования 21.12.2022,
подготовлена к публикации 26.12.2022.